

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Смоленский государственный университет»
Кафедра литературы и журналистики

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки Смоленского государственного университета:
межвузовский сборник научных статей

Выпуск 24

Смоленск
СмолГУ
2024

E.L. Kotova
Smolensk State University
Smolensk, Russia

**“As long as I hold the pen in my hands...”: on the anniversary of Nikolai Rylenkov
(based on materials from the archive of the Literary Museum of SmolSU)**

Key words: Rylenkov, Literary Museum, archival document, Makedonov, correspondence.

Nikolai Ivanovich Rylenkov, an outstanding Russian poet of the twentieth century, for many years played a key role in the development of the literary situation of his native Smolensk region. The article provides a brief overview of documents stored in the archives of the Literary Museum of Smolensk State University.

Materials related to the creative fate of the poet are dispersed among different funds. The 23rd fund is entirely dedicated to Nikolai Rylenkov. The archive contains the poet's books, manuscripts of works, their rough sketches, as well as personal photographs, letters, and things.

You can learn about Rylenkov's work as organizational secretary of the Smolensk Writers' Branch from the “Materials on the organizational and creative work of the Smolensk Branch of the RSFSR Writers' Union. 09/23/1949–06/29/1960”, which formed an impressive volume.

About Rylenkov as a person, a friend, we can learn more about his letters to friends, in particular, to Adrian Vladimirovich Makedonov, with whom he entered literature in the late 1920s. The article analyzes the themes of these letters. They say a lot about Rylenkov's attitude to modern literature, as well as to his own work.

Over time, the poet found his direction in lyricism and decided not to deviate from it, despite the dissatisfaction of some Soviet critics. The readers' love for Rylenkov's works more than compensated for the mental pain that he experienced when reading the sometimes unkind reviews from literary critics.

Б.В. Орехов
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

**Айзек Азимов и Лев Толстой: история, математика
и другие параллели в осмыслении прошлого и будущего**

УДК 82-311.9

Ключевые слова: Азимов, Толстой, фантастика, Смоленск, сравнительное литературоведение

В статье демонстрируются параллели между «Войной и миром» и циклом романов Айзека Азимова об Основании. Само внимание американского классика к роману-эпопее могло быть вызвано тем, что у Толстого много места посвящено битве за Смоленск в 1812 году, а Азимов связывал родную для себя смоленскую землю именно с нашествием Наполеона. Азимову в частности и фантастике вообще в специальной литературе в указанном аспекте посвящено не так много места в силу иерархичности мышления литературоведов, хотя в публицистике и нелитературоведческих публикациях об Азимове

пишут много. И Толстой, и Азимов увлечены идеей математического описания истории. В цикле романов Азимова экспозиция показывает нам гениального математика, способного рассчитать дальнейший ход развития и гибели галактической империи, а у Толстого мы видим множество рассуждений о том, какой формулой можно предсказать результат исторически значимого военного сражения. Для Азимова сюжетно и декларативно важна идея невмешательства в историю; кризисы, через которые проходит основанная на окраине галактики колония ученых, проходят наиболее успешно для тех, кто предпринимает как можно меньше насильственных действий. Такие же советы дает своим читателям и Толстой на примере Кутузова на Бородинском поле. Еще одна аналогия – образ Наполеона у Толстого и Мула у Азимова, оба неестественные, «ошибочные», но при этом амбициозные провайдеры экспансии. У них в изображении писателей обнаруживаются сходные стратегии обращения с противниками, которые в итоге становятся их сторонниками.

Литературоведческое мышление остается классицистичным в том смысле, что исповедует важные для классицизма установления: жанроцентричность, ценность авторитета и иерархичность. Несмотря на традицию внимания к второстепенным авторам со стороны таких значимых ученых, как Гаспаров и Лотман (см. рефлексию над этим у Гаспарова: [Гаспаров 1999, 422]), львиную долю литературоведческого внимания получают именно классики. При этом известные, популярные, «массовые» писатели, творящие в «низких» жанрах, начинают получать свое литературоведческое осмысление только в последние годы.

К «низким» жанрам в представлении литературоведов относится массовая литература, в частности, научная фантастика, и даже прославленные авторы первого ряда, получившие известность благодаря вкладу в научно-фантастическую литературу, остаются без полноценных научных работ.

Не является исключением и творчество Айзека Азимова. Библиографический указатель, фиксирующий тексты о нем на русском языке [Айзек Азимов, 2001], демонстрирует картину ограниченного обращения ученых к этой персоне на фоне пристального внимания литературных критиков. В современной научной ситуации это до сих пор во многом остается так, и на Азимова даже в большей степени обращают внимание лингвисты, чем литературоведы (см. диссертацию по специальности «Теория языка» [Бочкова, 2006]).

Существующие работы об Азимове на английском языке также не концентрируются на литературоведческом инструментарии, находясь скорее в поле истории и социологии [Akhmedov, 2022; Salonia, 2017; Thomson, 1996]. Активно выступают публицисты [Вахитов, 2015].

Чтобы восполнить существующую лакуну, я предложу один из вариантов установления литературных параллелей между прозой Азимова и мировой литературной классикой первого ряда, то есть буду говорить о том, о чем обычно говорят литературоведы в применении к статусным элитарным авторам.

Отправной точкой этих рассуждений является важность для Азимова места его рождения, местечко Петровичи под Смоленском: «Во время Второй мировой войны я купил себе большую карту Европы, на которой намеревался

отмечать цветными булавками изменения на фронтах. Изучая ту часть России, где в то время шли бои, я с радостью и удивлением нашел Петровичи. В первый раз я увидел Петровичи на карте. Я отметил эту точку особенной булавкой. В конце концов, мне требовались все возможные доказательства, что я на самом деле где-то родился» [Айзек Азимов, 2001, 13]. Из целого ряда личных высказываний фантаста становится очевидным, что Петровичи занимали в его картине мира особенное положение, и в целом были значимы для его идентичности.

В этих же высказываниях довольно ясно проглядывает идея связи Петровичей и Смоленска на ментальной карте Азимова. Петровичи существовали для Азимова не просто рядом, но в связи со Смоленском: «Я родился на смоленской земле, там же, где первый космонавт Юрий Гагарин. И чувствую потому, что я как бы нахожусь в обеих наших странах – стране, где я рожден, и стране, где я живу и работаю» [Айзек Азимов, 2001, 152].

Этот факт является ключом для важной литературной генеалогии, отражающей связь литературного творчества Азимова и важного текста русской литературной классики.

Азимов пишет о своей родине так: «Смоленск, главный город области, находится в 55 милях к северу от Петровичей. Это древний город в верховьях реки Днепр, основанный в IX веке. Часто он был причиной пограничных войн между Россией и Польшей, окончательно став русским в 1654 году. Там была великая битва во время нашествия Наполеона в 1812 году» [Айзек Азимов 2001, 14]. Таким образом, Смоленск исторически существует для Азимова в связи с войной 1812 года, и именно нашествие Наполеона является ключевым параметром определения города в пространстве и времени.

Трудно отрицать, что самая знаменитая и влиятельная книга о войне 1812 года – это «Война и мир». И «Война и мир» во многом посвящена именно Смоленской битве: «На страницах романа Л.Н. Толстого “Война и мир” более ста раз упомянуты Смоленск и другие города и селения Смоленского края. Тема Смоленской губернии вошла в роман Л.Н. Толстого “Война и мир”, прежде всего, вместе с темой Отечественной войны 1812 года» [Филиппова, 2016, 311]. Есть и специальная книга о смоленском тексте внутри романа-эпопеи [Антюфеева, 1991], но она посвящена в большей степени творческой истории текста и не располагает к уяснению рецепции этих мест.

Эти обстоятельства в их соединении позволяют ожидать от Азимова как читателя особенного внимания к роману Толстого и, естественно, реализации этого внимания в собственных сочинениях фантаста.

Далее пойдет речь о цикле романов Азимова, посвященных Фонду (другие варианты перевода с указанием места и даты первой публикации – «Поселение», Таллин, 1989; «Установление», Москва, 1991; «Организация», Москва, 1991; «Основатели», Москва, 1997; «Академия», Рига, 1992; «Основание», Тула, 1992). В нем рассказывается, как в Галактической империи появляется математик Гэри Селдон, который с помощью научных методов рассчитывает будущее. Из расчетов становится несомненным, что в будущем империя падет, и чтобы сократить период хаоса, следующего за этим падением,

Селдон создает *Foundation*. Он существует на окраине галактики и проходит через цепь управляемых («селдоновских») кризисов.

Примечательны здесь несколько аспектов. Сама идея гигантской галактической империи получила продолжение в других фантастических сериях – у Фрэнка Герберта в цикле романов о Дюне и у Джорджа Лукаса в фильмах о звездных войнах. Но нашего внимания заслуживает также идея математического интерфейса к истории, то есть сциентистского подхода, позволяющего с высокой точностью с использованием научного аппарата предсказать ход исторических событий. В научной фантастике этот мотив не получил такой популярности. Сам Азимов мог породить его сам, не опираясь на предшественников, это позволял ему его научный бекграунд и наукоориентированный образ мысли (помимо писательских занятий Азимов также был биохимиком и популяризатором науки). Но в размышлениях на эту тему его могли поддержать пассажи из классического романа, где Толстой как раз размышляет о системности истории с позиций математики:

«Сила (количество движения) есть произведение из массы на скорость.

В военном деле сила войск есть также произведение из массы на что-то другое, на какое-то неизвестное x .

Военная наука, видя в истории бесчисленное количество примеров того, что масса войск не совпадает с силой, что малые отряды побеждают большие, смутно признает существование этого неизвестного множителя и старается отыскать его то в геометрическом построении, то в вооружении, то, самое обыкновенное, – в гениальности полководцев. Но подстановление всех этих значений множителя не доставляет результатов, согласных с историческими фактами.

А между тем стоит только отрешиться от установившегося, в угоду героям, ложного взгляда на действительность распоряжений высших властей во время войны и мы отыщем этот неизвестный x .

X этот есть дух войска, т.е. большее или меньшее желание драться и подвергать себя опасностям всех людей, составляющих войско, совершенно независимо от того, дерутся ли люди под командой гениев или не гениев, в трех или в двух линиях, дубинами или ружьями, стреляющими 30 раз в минуту. Люди, имеющие наибольшее желание драться, всегда поставят себя и в наивыгоднейшие условия для драки.

Дух войска – есть множитель на массу, дающий произведение силы. Определить и выразить значение духа войска, этого неизвестного множителя, есть задача науки» [Толстой, 1933, 121–122].

Но идея осмысления истории в математических терминах – не все, что объединяет роман Толстого и цикл произведений Азимова. В обоих случаях авторы размышляют о том, как личности следует воздействовать на историю, чтобы она развивалась в правильном направлении, и в обоих случаях приходят к сходным выводам: воздействие это должно быть минимальным, а поведение скорее пассивным.

Азимов настаивает, что самое правильное разрешение исторического кризиса, в который попадает Фонд, это минимальное вмешательство в

происходящее. Девиз первого гражданского (то есть не из среды ученых) мэра Терминуса (планеты, на которой основан Фонд) Сальвора Гардина: «Насилие – последний козырь дилетантов»: «Уже тогда появилось искушение собрать все силы и начать битву. Это было самое простое и, с точки зрения самолюбия, – самое верное. Но, как ни странно, – самое глупое» [Азимов, 2022, 82].

Таким образом, правильная работа в селдоновский кризис напоминает Кутузова на Бородинском поле, каким он описан у Толстого: «Он не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему.

“Да, да, сделайте это”, отвечал он на различные предложения. “Да, да, съезди, голубчик, посмотри”, обращался он то к тому, то к другому из приближенных; или: “Нет, не надо, лучше подождем”, говорил он» [Толстой, 1932, 247].

Кутузов здесь подчеркнуто пассивен, не предпринимает никаких активных действий, максимум его деятельности – реактивность. В этом он противопоставлен Наполеону, и симпатии Толстого находятся на стороне русского полководца. Аналогичную систему конструирует Азимов для своего мира, и иерархически выстраивает ее так же, оставляя симпатии на стороне реактивного, а не проактивного персонажа.

Еще одна параллель, которая могла поддержать творческие усилия Азимова, может быть уловлена в образе Мула. Мул у Азимова – это мутант, обладающий способностью телепатически влиять на мысли других людей. Он некрасив внешне, самолюбив и амбициозен, но его мутация дает ему невероятное могущество. Точно такого персонажа мы знаем и в «Войне и мире», это Наполеон, который также непривлекателен и внешне, и внутренне, но обладает способностью влиять на других.

Одна из победных стратегий Мула в том, чтобы не уничтожать своих самых сильных врагов, а подчинять их своей воле. Один из таких врагов – это капитан Причер. Так говорят попавшему в плен Причеру последователи Мула: «Естественно, ваши способности привлекли к себе внимание, а Мул – не из тех, кого пугают способности врагов. Он просто справедливо полагает, что может превратить их в своих друзей» [Азимов, 2022, 419]. А так уже говорит он сам через несколько десятков страниц: Я хочу сказать, что ему ничего не стоит превратить самого своего яростного противника из армии врага в преданнейшего раба, бесповоротно уверенного в неминуемой победе Мула. Все его генералы находятся под контролем такого рода. Они не могут предать его, мысли их не могут принять иного направления. Контроль над ними осуществляется постоянно. Самые умные, самые сильные его враги становятся его верными и преданными подданными» [Азимов, 2022, 456]. Таким образом, благодаря своей сверхъестественной силе Мул «перенастраивает» своих недругов, и, эксплуатируя их таланты, подкрепляет свое могущество. Примечательно, что почти в тех же словах описывает Пьеру Безухову Наполеона капитан Рамбаль: «– Император? Это великодушие, милосердие, справедливость, порядок, гений – вот что такое император! Это я, Рамбаль, говорю вам. Таким каким вы меня видите я был его врагом тому назад восемь

лет. Мой отец был граф и эмигрант. Но он победил меня, этот человек. Он завладел мною. Я не мог устоять перед зрелищем величия и славы, которым он покрывал Францию. Когда я понял чего он хотел, когда я увидел, что он готовит для нас ложе лавров, я сказал себе: вот государь, и я отдался ему. И вот! О да, мой милый, это самый великий человек прошедших и будущих веков» [Толстой, 1932, 370].

Обратим внимание на то, что в обоих случаях субъект речи (и Причер, и Рамбаль) находятся в одном чине – капитана. И в обоих случаях они описывают одну и ту же ситуацию: из убежденных противников они становятся горячими сторонниками того, кого автор представляет как статистическую ошибку, кто стремится к власти и неконтролируемой экспансии. И Наполеон для Толстого, и Мул для Азимова нарушители планомерного течения истории, и поэтому должны потерпеть неизбежное поражение. Но на пути к этому краху они могут добиться значительных успехов, в частности благодаря выигрышной стратегии обращения талантливых врагов в союзников.

Итак, «Война и мир» благодаря сценам битвы за Смоленск должен был иметь для Азимова особый статус. Идея математического интерфейса к истории могла быть поддержана «Войной и миром». Азимов и Толстой перекликаются в оценке исторического недеяния

Образ Мула как воплощения уродства и математической ошибки имеет общие черты с образом Наполеона у Толстого. Мул у Азимова и Наполеон у Толстого даны через оценку перешедших на их сторону врагов-капитанов.

Азимов не оставил биографических свидетельств, подкрепляющих гипотезу о связи романов об Основании и «Войны и мира», возможно, даже не осознавал ее сам. Но анализ текста позволяет проследить и эксплицировать эти параллели.

Литература

1. Азимов А. Академия. М.: Эксмо, 2022. 732 с.
2. Айзек Азимов: Айзек Азимов – фантаст и мыслитель: Биобиблиогр. материалы. Творчество. Критика. Связь со Смоленщиной: Библиогр. указ. рус. пер. и крит. лит. на рус. яз. 1959-2000 / Смол. обл. универс. б-ка. Информ.-библиогр. отд.; [Авт. коллектив: В.И. Карпеченкова и др.; Сост., ред., авт. вступ. ст. и предисл.: В.И. Карпеченкова]. Смоленск: Смол. обл. универс. б-ка, 2001. 222 с.
3. Антюфеева И.Н. Л.Н. Толстой в работе над романом «Война и мир»: Смоленские главы: Источники и творческая история. Смоленск, 1991. 109 с.
4. Бочкова О.С. Категории модальности, времени и пространства в жанре научной фантастики : на материале русско- и англоязычных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2006. 25 с.
5. Вахитов Р. Галактическая империя Азимова в контексте истории XX века [Электронный ресурс] // Русская истина. 20.11.2015 URL: <https://old.politconservatism.ru/thinking/galakticheskaya-imperiya-azimova-v-kontekste-istorii-khkh-veka> (дата обращения: 16.11.2024).
6. Гаспаров М.Л. Лотман и марксизм // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 415–426.
7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 тт. Т. 11: Война и мир. Т. 3. М.; Л.: Гос. изд-во, 1932. 465 с.

8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 тт. Т. 12: Война и мир. Т. 4. М.; Л.: Гос. изд-во, 1933. 424 с.
9. Филиппова А.А. Смоленский край в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино: Бородинское поле, 2016. С. 311–319.
10. Akhmedov R. Axioms of Isaac Asimov's Concept of Psychohistory: Science Fiction and Reality // Ilmiy Tadqiqotlar Sammiti (Scientific Research Summit) (ITS (SRS)), Tashkent, Uzbekistan, 22 February, 2022 (Session 2, Part 2).
11. Salonia E.M. Praxeology, Psychohistory, Economics. Torino: Collegio Carlo Alberto, 2017. 22 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.35217.74089.
12. Thomson A.J. Asimov's Psychohistory: Vision of the Future or Present Reality? // AI Applications. 1996. Vol. 10. No. 3. P. 1-8.

B.V. Orekhov

*Institute of Russian Literature (Pushkin House),
Russian Academy of Sciences, Russia*

Isaac Asimov and Leo Tolstoy: History, Mathematics and Other Parallels in Comprehending the Past and Future

Keywords: *Asimov, Tolstoy, sci-fi, Smolensk, comparative literary studies*

The paper shows parallels between War and Peace and Isaac Asimov's cycle of novels about the Foundation. The very attention of the American classicist to the epic novel could be caused by the fact that Tolstoy devoted a lot of space to the battle for Smolensk in 1812, and Asimov associated his native land of Smolensk precisely with Napoleon's invasion. Not much space is devoted to Asimov in particular and science fiction in general in the special literature in this aspect due to the hierarchical thinking of literary critics, although much is written about Asimov in journalism and non-literary publications. Both Tolstoy and Asimov are fascinated by the idea of a mathematical description of history. In Asimov's series of novels, the exposition shows us a brilliant mathematician capable of calculating the further course of development and the death of a galactic empire, while in Tolstoy's we see a great deal of speculation about what formula can predict the outcome of a historically significant military battle. For Asimov, the idea of non-interference in history is both narratively and declaratively important; the crises that a colony of scientists based on the outskirts of the galaxy goes through are most successful for those who take as little violent action as possible. Tolstoy gives the same advice to his readers, using the example of Kutuzov on the Borodino field. Another analogy is the image of Napoleon in Tolstoy and the Mule in Asimov, both unnatural, "misguided," yet ambitious providers of expansion. In their portrayal, the writers reveal similar strategies for dealing with adversaries, who in yoke become their supporters.